

УДК 94

«ЛИШЕН ВСЕХ ПРАВ СОСТОЯНИЯ И ОТДАН НА СЛУЖБУ... РЯДОВЫМ»
(«ПОЭТ А.Н. ПЛЕЩЕЕВ. ССЫЛКА»)

*Духин Я.К.,
кандидат исторических наук,
доцент, КГПИ, Костанай, РК*

Аннотация

Бұл мақалада ақын-петрашевец А.Н. Плещеевтің Орынбор аймағында саяси қуғын кезеңіндегі оның шығармашылық және қоғамдық қызметтері қарастырылады. Мақала мазмұны мұрағат материалдарынан, әдеби деректерден, мерзімдік басылымдарға негізделген.

Аннотация

В статье рассматриваются условия политической ссылки поэта-петрашевца А.Н. Плещеева в Оренбургском крае, его творческая и общественная деятельность в ссылный период. Содержание статьи основано на использовании архивных материалов, литературных источников, публикаций периодики.

Abstract

The article deals with the conditions of political exile of the poet A. N. Pleshcheyev in the Orenburg region, his creative and social activities in exile period. The contents of this article is based on the use of archival materials, literature, publications and periodicals.

Түйінді сөздер: сілтеме; дала; сарбаздар; поэзия; поляктар; қызмет.

Ключевые слова: ссылка; степь; солдат; стихи; поляки; служба.

Key words: deportation; steppe; soldiers; poetry; poles; service.

Введение.

Принято считать, что отдаленность от центральной России, малолюдность, бескрайние степи, где сотни верст отделяли друг от друга военные укрепления со скудными гарнизонами и солдатами, забитыми беспощадной муштрой, сделали Оренбургский край идеальным местом для политической ссылки.

У самодержавия, были на то свои резоны. Первый, – географическая отдаленность, позволяла «человека опасного или будирующего выслать в эти места, чтобы порвать всякую связь между ним и центром». Второй, – «...население этого края было неподходящим для принятия новых идей элементом». Это суждения исследователя казахстанской ссылки В. Пищулина [1; с. 115]. Суждения верны, но с некоторыми уточнениями. Но об этом позже.

Отдаленный от центра край был «типичной царской сатрапией, где все то темное и отрицательное, что было характерно для царской России, – рассуждал писатель Н. Пряришников, – распускалось махровым цветом и существовало как бы возведенным в квадрат: административный произвол был безудержным, эксплуатация трудящихся – беззастенчивой, отсталость – вопиющей» [2; с. 5]. Попадая в эту ситуацию, отторгнутые от условий привычной жизни, ссылные либо не могли найти в себе сил, чтобы преодолеть физический и психологический барьер угнетенности и отчаяния, либо, сохраняя нравственные устои, способны были к сопротивлению невзгодам и испытаниям ссылки, оставаясь людьми творческими и преданными прежним идеалам. Таков, несомненно, Алексей Николаевич Плещеев.

Сразу же делаем оговорку: абстрагируемся от биографической конкретики, обращаясь к ней лишь в крайне необходимых случаях.

Основная часть.

В 2015 г. поэту исполнится 190 лет со дня рождения. Род Плещеевых старинный. Дворяне столбовые. Замечены были при Дмитрие Донском, и вместе с ним сражались на поле Куликовом. А еще в предках числился св. Алексей Московский, тот самый, что изображен на иконе рукою иконописца Дионисия. Прославилась родословная именами поэтов и писателей, самым известным из которых считается С.И. Плещеев.

Будущая жертва николаевской военщины, Алексей Николаевич Плещеев проявил себя ревностным членом политического кружка петрашевцев. Здесь нельзя не отметить два исключительных обстоятельства – поэт подарил миру вольнолюбивый призыв, воспринимавшийся современниками как «Русская Марсельеза» – стихотворение «Вперед! Без страха и сомненья...», и ознакомил своих друзей – петрашевцев с известным политическим актом 40-х годов XIX в. – письмом В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю. Чтение и обсуждение письма инкриминировалось петрашевцам как главное политическое преступление. Стихотворению же суждена была длительная жизнь; по свидетельству одного из жандармских документов «Дерзкие и смелые стихи» исполняли на студенческих вечеринках, на революционных митингах, песню «Вперед!» пели в тюрьмах, на рабочих маевках [3; л. 40].

Боязнь политических потрясений заставила самодержавие пойти на крутые меры – петрашевцы, а среди них и А. Плещеев, были приговорены к «расстрелянию».

Исследователям известен акт на Семеновской площади, но сокрыта его подоплека. Работа с фондом III жандармского отделения позволила автору настоящей статьи обнаружить весьма любопытное свидетельство. Оказывается, что еще за несколько дней до предполагаемой казни в отделении был уже разработан сценарий, по которому предполагалось привязанных к столбам и ожидавших расстрела петрашевцев помиловать в самый последний момент. Сценарий был подписан шефом жандармов А. Бенкендорфом. И потому, акт помилования, объявленный на площади, явился не спонтанным выражением царского милосердия, а загодя продуманной мерой издевательского возмездия над политическими противниками. Казнь заменялась кому каторгой, кому солдатской службой в отдаленных гарнизонах.

Среди переживших ужас надвигающейся смерти находился и А. Плещеев.

Самодержавная воля одела его в солдатскую шинель и определила быть рядовым 1-го линейного батальона Оренбургского отдельного корпуса, что в захолустном Уральске. Началась без малого восьмилетняя солдатчина, бросавшая поэта в разные концы обширного края (Уральск, Оренбург, Ак-Мечеть и др.).

Появление в Уральске А.Плещеева, сосланного за столь громкое дело, вызвало необычайный интерес тамошнего общества. Н.А. Виноградов, сослуживец, бесхитростно вспоминает: «... Плещеевым все занимались, толковали о нем и солдаты... Так, говорили они и про выбитые зубы, (у поэта два передних зуба были разбиты – Я.Д.) по своему не то жалея, не то издеваясь. «Ого! В нашей коже побыв, небось, испытал и всего, сколь зуботычина сладка». Но хорошие солдаты жалели и почитали Плещеева заочно. «За пустые разговоры скрутили, измучили, что краше в гроб кладут». Молодые солдаты недоуменно рядили о деле, за которое пострадал А.Н. «Без своей вины. Собирались у старшего барина помоложе. Сдуру хотели сменить закон...»» [4; л.3-4].

Известный казахстанский литературовед М. Фетисов склонен был считать, что Оренбург, куда после 2-х лет службы в Уральске переводится поэт, встретил его враждебно [5; с. 343]. Позволим более осторожно отнестись к данному тезису. Оренбург чиновный, официальный – да, а как же иначе, – в его глазах все-таки «конфирмованный преступник». Но есть масса свидетельств о совершенно ином, дружественном сочувствии. У того же Н.А. Виноградова читаем: «В Оренбурге ходил он в толстой солдатской шинели, службой его не неволили, и большую часть времени он проводил за чтением и посещал 5-6 знакомых домов, где его ласково и дружески принимали» [6: 1896, №1].

Более или менее благожелательное расположение генерал-губернатора В.А. Перовского позволило А. Плещееву расширить круг знакомств и войти в творческие контакты с интересными людьми, как правило, товарищами по несчастью – Т. Шевченко, ссыльными поляками: З.Сераковским, Э.Желиговским, Б.Залеским и др. Тяготы ссылки скрашивались общением с близкими по взглядам представителями оренбургской администрации: И.Я. Осмоловским, В.Д. Дандевилем, Е.И. Барановским, поэтом-демократом М.Л. Михайловым.

Ссылка А. Плещеева совпала по времени с немилосердной солдатчиной Тараса Шевченко. Исследователями пока не установлены точные время и место встречи двух замечательных поэтов. Бесспорно лишь одно – такая встреча произошла и на годы сохранилась как личная дружба, так и весьма плодотворная переписка между ними. Она то прерывалась, то возникала вновь, но постоянно служила для обоих средством творческого общения.

Здесь, в столице края, поэт нашел отдохновение в общении с замечательным человеком Зыгмундом Сераковским и кружком его единомышленников. Познакомившись еще в Уральске, А. Плещеев не терял с ним сношений долгие годы ссылки. Близость идейных позиций не могла не подружить ссыльного поэта и польского вольнодумца, их всегда влекла друг к другу взаимная симпатия, основанная на единстве взглядов и убеждений. Солдатские будни не пропали даром для З. Сераковского. Хорошо знавший его А.И. Герцен писал в «Колоколе»: он «коротко изучил... ужасное положение полкового крепостного, военного раба, называемого солдатом... он нагляделся на телесные наказания и с тех пор им овладела одна мысль, дошедшая у него до фанатизма, до *idée fixe* – добиться уничтожения палок, розог, шпицрутен и пр. в русской армии» [7; с.1302]. И добился он таки своего, – во многом благодаря З. Сераковскому в России отменяются телесные наказания солдат.

1853 год. А. Плещеев вместе с В. Дандевилем, З. Сераковским и другими ссыльными принимает участие в составе отряда генерал-майора Падурова в походе на Ак-Мечеть. Все они отличились во время осады и штурма крепости, что даст основание властям «милостиво» произвести ссыльного поэта в унтер-офицеры, а позднее в чин прапорщика и возможность перейти на гражданскую службу [8; л. 9].

Поход позволил А. Плещееву ближе познакомиться с жизнью казахских аулов, и он считал, что продвижение русских войск в степь несет избавление казахского населения от разбойничьих набегов хивинцев и кокандцев. И было от чего прийти к такому выводу. Вот свидетельство товарища поэта, тоже петрашевца, путешественника А. Макшеева: «Хивинцы стали делать на них (аулы – Я.Д.) набеги, при этом беспощадно отбирали у них все имущество, резали для потехи стариков и детей, насиловали женщин и даже маленьких девочек...» [9; с. 76].

Позднее, отбывая ссылку в форте Перовском и имея возможность ближе познакомиться с жизнью степи и ужасами, творимыми кокандцами и хивинцами, А. Плещеев напишет в Оренбург своему другу полковнику Виктору Дезидерьевичу Дандевиллю¹: «Мы ходили в поход... Кокандцы...произвели страшные неистовства: резали преданных нам киргиз, как баранов, разграбили множество аулов...Это нас ужасно взбесило. Никогда еще так сильно не хотелось нам побить этих подлецов. Все приходило в негодование при виде изуверченных трупов, валявшихся по дороге. Цель похода была благородная – защита угнетенных, а ничто так не воодушевляет, как благородная цель [10; с. 122].

Вместе с тем, А. Плещеев вовсе не идеализировал истинный характер действий и русских войск. В. Дандевиллю он сообщает, например, что ему приходилось участвовать в подавлении волнений казахов, ушедших к хивинцам вследствие притеснений со стороны

¹ Сын обрусевшего француза, плененного в 1812г. Дезире д'Андевиля, впоследствии генерал. Виктор Дезидерьевич после похода на Ак-Мечеть заведовал «степными киргизами». Он был «человек для своего времени,- а в особенности для оренбургского общества, – образованный, развитый, широких интересов, отличался гостеприимством и любезностью... В доме собиралось лучшее оренбургское общество. К этому-то кружку примкнул Алексей Николаевич» [10; с. 104]. Существует обширная переписка между А.Плещеевым и В. Дандевилем, публикацией которой мы обязаны сыну Виктора Дезидерьевича – Михаилу Викторовичу.

русских властей, [10; с. 131] сопровождавшихся рядом грабительских акций, мало чем отличавшихся от разбоев хивинских отрядов [11; л. 47]. Не будем злоупотреблять примерами, но вот один из многих: «...отряд под начальством Войскового Старшины Эверсмана 31 августа (1855) настиг и разбил ...40 мятежных аулов Чиклинского рода, Кабакова отделения; а 5 сентября другие мятежники были настигнуты вновь...причем, разбито еще 106 аулов...» [12; л. 50]. Об этих карательных мерах появилось свидетельство даже на страницах герценовского «Колокола» в заметке «Аугсбургская газета рассказывает» [13; с. 231].

Постоянные походы, поездки в аулы, присутствие на различных казахских праздниках способствовали тесному общению с населением и вырабатывали представления о нем, как о народе трудолюбивом, талантливом. Этот народ способен прийти на помощь в любой момент (во время сильного мороза в степи, отмечает А. Плещеев, казахи прислали замерзающим солдатам кибитки), он способен замечательно трудиться (казахи бескорыстно помогали солдатам в тяжелых строительных работах по укреплению крепостей) [10; с.120].

Интерес к местному краю и к жизни его обитателей был настолько велик у А. Плещеева, что он просит В. Дандевилля скорейшей присылки в Перовск книг об Азии и Казахстане [14; с. 234]. Прекрасно понимая, с каким интересом может прочитать русский читатель что-либо о жизни в степи, поэт сообщает в Оренбург, что поездки в казахские аулы доставляют ему большое удовольствие и что о них думает «даже в «Уфимских ведомостях» статейку...тиснуть, местного колорита подбавить и вышло бы весьма занимательно» [10; с.121].

Интересу к казахстанской истории и быту А.Плещеев во многом обязан искренней дружбе с «Заведующим киргизами Сыр-Дарьинской области» Иосифу (Осипу) Яковлевичу Бонч-Осмоловскому. Это была замечательная личность, пожалуй, один из наиболее просвещенных деятелей Оренбургского края.

Становлению демократического настроения и крепких научных познаний Бонч-Осмоловский в большей степени обязан восточному факультету Казанского университета периода ректорства знаменитого Н.И. Лобачевского. Будучи на службе чиновником Азиатского департамента МИД при Оренбургской Пограничной комиссии, он отлично изучил казахский язык, много путешествовал, занимался научной работой, результатом чего стал сборник юридических обычаев киргиз, высоко оцененный специалистами.

Совместное проживание в Перовском сблизило А. Плещеева с Осипом Яковлевичем, позволило ему найти в нем единомышленника, поддержавшего в трудные годы ссылки. В письмах поэта из крепости Осмоловский представлен человеком честным, высокогуманным и авторитетным среди местного населения. «Осмоловский, – делится А. Плещеев мыслями с В. Дандевилем, – пользуется большим уважением у киргиз и, кажется, вполне на своем месте» [10; с. 118].

Занимая столь ответственный пост, Осип Яковлевич очень умело выступал в защиту казахов не только от набегов хивинцев, но и против карательных экспедиций царских войск. В поданной им «Записке» заявлялось: «Одною из главнейших причин возмущений киргизов в том числе и последнего возмущения Джанходжи в прошлом году, есть по всей справедливости – строгие меры высшего начальства» (намек на зверские расправы с казахами, учиненные бароном Фитингофом – Я.Д.). На это замечание Оренбургские власти откликнулись репликой – «не справедлив» [11; л. 47].

Видя в О. Осмоловском единственного защитника от посягательств местных властей, казахское население в свою очередь относилось к нему с чутким уважением. А. Плещеев неоднократно наблюдал, как его квартира в Перовске постоянно была наполнена бедными казахами, приходившими за помощью. «Он не только не брал от киргиз никогда никаких подарков, – писал А. Макшеев, – но сам помогал им из своего небольшого содержания...» [9; с. 247].

Был такой персонаж, олицетворявший оренбургскую власть в степи, – некий Первухин, абсолютная противоположность О. Осмоловскому. С его именем А. Плещеев связывает

все реакционное, что являла собой колониальная политика царизма. В письме к В. Дандевилю он выразил свое откровенно неприязненное отношение к «этому г. Первухину» – крайне подозрительной личности. «Киргизы его ненавидят. Слухи про него ходят страшные, и если хоть десятая доля их справедлива, то он просто достоин виселицы... Одно я положительно знаю, что Осмоловского ждут киргизы как Бога; и я сам не раз слышал, как говорили старшины, что худо, очень худо будет, если он не скоро вернется. Что Первухин взяточник – это здесь говорит каждый... Крючок большой руки. Не мое дело судить об этом; остается только желать, чтобы истина вышла скорей наружу...» [10; с. 131].

Находясь в Перовском на положении солдата в течение почти двух лет, А. Плещеев и его товарищи по ссылке сумели найти силы отдаться той деятельности, которая во многом способствовала оживлению общественной жизни степного форта. Важно при этом, что поэт не растерял свои нравственные ориентиры и моральную стойкость, о чем повествуют строки из двух его писем В. Дандевилю. Читаем: «И я склоняюсь под гнёт судьбы; но не в силах я переносить его безропотно», «... а что касается до покорности своей участи, то уж если просидев девять месяцев в каземате и ожидая с часу на час петли или Сибири, – если простояв перед самой многочисленной публикой в рубашке и колпаке осужденного на расстреляние, я не впал в совершенное отчаяние и уныние, то и отказ в производстве меня не мог сокрушить... Телячьей кротости нет у меня и нет добродетели щенка, который лижет руку, только что отлупившую его плетью» [10; с. 138-139].

Где-то в далеком Семипалатинске задавленный солдатчиной М. Достоевский замыкается в кругу личных переживаний и дум, а здесь, в еще более страшной «открытой тюрьме», А. Плещеев бросает превратностям судьбы вызов своей непокорностью.

Форт Перовский представлял собой глинобитное укрепление, где в глиняных же землянках располагалось несколько рот солдат. Было от чего прийти в отчаяние. Но сосланные старались ему не поддаваться, более того, им удалось сплотить офицеров и солдат в довольно дружный коллектив. Уже то обстоятельство, что офицеры постепенно начинали отдавать предпочтение книгам и журналам вместо пьянок и игры в карты, – есть свидетельство их глубокого культурного воздействия [10; с. 115-116].

Не лишним будет отметить, что поэт выражал удовлетворение составом офицерства в форте, и он с беспокойством делится вот какими опасениями с В. Дандевилем: «Я очень, очень боюсь, чтобы не перевели отсюда лучших офицеров. Здесь только и можно служить под условием, если есть порядочный кружок. До сих пор у нас все были так дружны, не было никаких сплетен и вообще было отлично» [10; с. 123].

Сохранились свидетельства тесной отеческой дружбы А. Плещеева с молодым офицером В.А. Бельцовым.

В. Бельцов – подпоручик инженерной команды после окончания Инженерной академии был направлен в ф. Перовск. Совместная служба с А. Плещеевым оказала самое благотворное влияние на молодого человека. В свою очередь поэт сам поражался В. Бельцову, «к которому всей душой можно привязаться, столько в нем доброты, благородства; такой светлый и здравый ум – такое превосходное сердце... Жизнь не успела еще охладить в нем любви к науке; и стремления его слишком чисты и благородны, чтоб могла его удовлетворить эта сфера, куда бросила его судьба...». Встречаясь с ним, один из Оренбургских начальников Беринг заявил, что «удивляется нынешнему направлению молодых инженеров» [14: с. 227. 229].

Свою благодарность А. Плещееву за ту поддержку и внимание, которое он оказал В. Бельцову, последний хранил всю жизнь. Минуют годы и бывший офицер напишет уже престарелому поэту из Вильно (20 января 1886г.): «Прошло уже 30 лет..., как я познакомился с Вами. Мне до сих пор памяты даже минувшие встречи... Ваше влияние на меня было истинно благотворное; приехавши на службу всего 19 лет от роду, хотя и кончивши Инженерную академию, я мог подпасть под влияние людей другого пошиба, чем Вы, тогда бог

знает, что бы вышло из меня. Слыша от Вас постоянно об необходимости борьбы за правду и против лихоимства, я по мере сил моих это исполняю, как умею до сих пор, идеи об этом Вы во мне воспитали и они настолько вошли ко мне в плоть и кровь, что слишком 30-летняя служба не сломила их. Итак, упрочение нравственных качеств, какие во мне есть, это плод Ваших, Ал. Ник., влияний...» [14; с. 230-231].

Красноречивее этих слов ничего и не скажешь, они как итог значимости деяний А. Плещеева на среду его окружения. Взять хотя бы отношения с солдатами гарнизона. С ними его связывало положение ссыльного. Беседы, внушение им чувства человеческого достоинства и мыслей, обличающих гнусные поступки и дела начальства, приводили к тому результату, о котором сообщалось В. Дандевилю: «Дух у здешнего батальона чудный Виктор Дезидериевич, и, право, напрасно говорят, что они распущены. Буйство их состоит в том, что они не дадут какому-либо прапорщику или даже пьяному капитану понапрасну над ними тешиться, т.е. бить и драть» [10; с. 116]. Подобные издевательства вызывают откровенный протест у А. Плещеева, и он выразит его в одном из писем в Оренбург: «И признаюсь, что я никак не могу согласиться, чтобы необходимо было стеснять наших солдат, сажать их на гауптвахту за расстегнутый крючок, запрещать им носить шинель в накидку сверх мундира, когда холодно, и беспрестанно толковать им, что они мерзавцы, с которых нужно шкуру драть, что 4-й батальон – известные негодяи, Однако ж, эти негодяи умеют умирать за своего царя, когда придет время...» [10; с. 117]. И как только появлялась возможность, поэт выступал от имени солдат-товарищей ходатаем перед высшим начальством: «Вы не сердитесь на меня, – писал он в Оренбург В. Дандевилю в мае 1855 г., – что я вам пишу о всех и о каждом. Меня просят – и я делаю... Мое убеждение такое, если представляется случай сделать добро – нужно всегда попытаться» [10; с. 112].

Подобные выступления в защиту человеческих прав солдат, а надо полагать, что они не ограничивались только рамками письма, имели принципиальное значение. Вокруг этого вопроса передовая Россия уже формировала общественное мнение, и сотоварищу А. Плещеева по солдатчине в Перовске З. Сераковскому, как отмечалось выше, принадлежит весомое слово в уничтожении издевательства над солдатами, как вопиющего позора в русской армии.

Начальству, естественно, претил подобный настрой А. Плещеева, и оно искало всяческого предлога, чтобы избавиться от него. Особенно усердствовал в этом начальник Сыр-Дарьинской линии барон Фитингоф, видевший в ссыльном политического подстрекателя к «беспорядкам». Предлог вскоре представился. Из письма А. Плещеева узнаем, что «здешнее общество офицеров, выведенное из терпения дурным обращением барона и напрасными притеснениями его, написало общее письмо к Вас. Алек. (Перовскому – Я.Д.), в котором просит его защиты... Я никак не думал, чтобы у них было такое единодушие и такая решимость» [10; с. 125]. По всей вероятности, не остался в стороне и сам поэт, хотя и старался убедить В. Дандевиля в своей непричастности к нему.

Во времена Николая I это письмо-протест могло посчитаться чуть ли ни открытым бунтом и, надо полагать, узнав о причастности ссыльного петрашевца в его составлении, ему едва ли бы поздоровилось. Не случайно позднее Фитингоф увидел в А. Плещееве главного зачинщика, и вообще смотрел на политических ссыльных как на смутьянов, только и занимающихся на службе «колебанием основ». И ссыльный поэт выражает опасения, что «барон подымет на меня гонение; да еще, пожалуй, скажет и В.А., что *политический*, мол, поджигает» [10; с. 127]. Письмо офицеров не имело каких-либо последствий, хотя и свидетельствовало об определенном брожении в их среде.

Занимаясь усиленно над самообразованием, А. Плещеев много читает, особенно новинки литературы. Пожалуй, нет ни одного письма в Оренбург, в котором он не делился бы мнениями о литературной жизни страны. 9 ноября 1854 г. поэт пишет В. Дандевилю: «Я в последнее время многое прочел, сделал значительные успехи в языке Шиллера и Гете... и

научился языку польскому, на котором есть тоже вещи биякши (Мицкевич – например) [10; с. 118-119].

Прекрасно осознавая значимую роль книги в распространении знаний и просвещения среди офицеров и солдат, А. Плещеев с энергией взялся за организацию в форте библиотеки, положив в основу личные книги; причем, при комплектовании фонда подбирались наиболее интересные и побуждающие жажду знаний издания. В этом отношении ему пришлось вести с председателем Оренбургской Пограничной комиссии В.В. Григорьевым настоящую борьбу. «Читал я реестр библиотеки, – сообщается в письме в Оренбург. – Вы меня извините Виктор Дезидериевич, но по-моему не совсем удачен выбор книг. Есть там, бесспорно, несколько очень хороших вещей литературного содержания (Гоголь, Пушкин, Одоевский, Даль, Жуковский), есть несколько любопытных книг об Азии – отличное сочинение Милютина о Суворовских войнах, есть физики и история паровых машин – весьма дельные сочинения, – но к чему такая куча книг духовного – или метафизического содержания?.. Выбор очевидно сделан не вами: – мне сдается, что тут умнеющий (В.В. Григорьев – Я.Д.) – приложил руку? Он страшный охотник до поповщины... А что было бы полезно читать офицерам: историю – которую они плоховато знают – этого нет. Из списка журналов – вычеркнуты именно те – на которые офицеры хотели подписаться – Современник и Отец (естественные) записки... Наконец, неужели Левшина – о киргизской степи – не стоило приобрести?» [14; с.233, 234].

А. Плещееву не удалось увидеть плоды своих забот, – он уехал, не дождавшись открытия библиотеки. Офицерские погоны открыли перед ссылкой гораздо большие возможности. С радостью покидал он степную тюрьму, из которой писал когда-то: «как однообразна эта жизнь, – если б вы знали. Здесь все, как по рецепту» [10; с. 114].

Еще за год до отъезда, пребывая в тягостном настроении, поэт в одном из писем (1855 г.) подводил некий итог подневольной солдатчине: «Вот шестой год, как я в этом крае, как я солдат. 24-х лет прибыл я – теперь мне 30-й. Лучшие годы жизни прошли – Бог знает как...без толку для себя и для других... Столько унижений, оскорблений всякого рода довелось мне изведать...» [10; с. 137].

Поэт покидал степи. Степи... Они производили угнетающее впечатление на людей, впервые в них оказавшихся. Уж кому, как ни ему, поэту, было дано прочувствовать «безбрежную степную даль», «черствую растительность», «мертвую тишину и одиночество». Они «ужасны», – писал А. Плещеев [15]. А вот еще, из письма другу В.Д. Дандевиллю: «Бог с ней – с матушкой степью; опостылила она мне до крайности» [14; с.225]. И вовсе не степь, как явление физической природы, имел здесь в виду поэт, под ней скрывается целый комплекс жизненных обстоятельств, порожденных ссылкой действительностью.

Свои мысли поэт выразил в стихотворении «В степи», написанном перед отъездом из форта Перовского:

«Так скоро, может быть, покинуть должен я,
О степь унылая, простор твой необъятный;
Но вместо радости зачем душа моя
Полна какою-то тоскою непонятной?
Жалею я чего? Или в краю ином
Грядущее сулит мне мало утешенья?
И побреду я вновь знакомым мне путем,
Путем забот, печалей и лишенья» [16; с. 79].

Его привлекал Оренбург, где было больше жизни, где уже, как и по всей России, чувствовалось общественное пробуждение. В свое время Н.А. Добролюбов, говоря об особенностях общественной жизни провинциальных городов, отмечал: «Подумаешь, право, что в России везде, кроме столиц, люди спят себе и рта открыть не умеют, двух мыслей не свяжут, особенно на бумаге. А между тем это вовсе неправда: в провинциях-то и живут люди

рассуждающие, серьезно интересующиеся наукой и литературой, с любовью следящие за современным направлением мысли» [17; с. 631]. Оренбург – несомненно, таков. Градус культурности подогревался присутствием в нем массы развитой репрессированной молодежи, и А. Плещеев не последний из ее числа.

Оренбург и край, хотя и пользовались «дурной репутацией», как место ссылки, привлекал, однако, внимание ученых, путешественников, общественных деятелей, писателей. «Одни из них (писатели – Я.Д.), – сообщал Н. Прянишников, – были уроженцами Оренбургского края; либо провели в нем часть своего детства; других заносила сюда прихотливая судьба; третьи попадали сюда за революционный образ своих мыслей и действий (Шевченко, Плещеев)» [2; с. 4].

Здесь А. Плещеев встретил своих друзей по убеждениям, их было много не только среди ссыльных, но и в кругу образованного чиновничества. Ведь не просто так поэт писал еще из Перовска В. Дандевиллю (9 ноября 1854г.): «Я уверен, что если бы Оренбург был обречен подобно библейскому городу провалиться за грехи свои, то господь пощадил бы его для нескольких праведников, которые там найдутся... А уж где есть хоть один праведник, о том месте всегда отрадно вспомнить» [10; с. 109]. О продолжении военной службы не хотелось и думать, – прочь от нее! Она – пустая трата времени и душевных сил. Горечью наполнено письмо в Петербург (7 августа 1856 г.): «Меня ломит и коробит всего. Нет! Плохой я служака. Грустно право, когда подумаешь, что на другом поприще мог бы быть человек, хоть сколько-нибудь полезен, а тут и силы, и время тратишь напрасно...» [14; с. 236-237]. По свидетельству М.Л. Юдина, поэт «всем существом своим жаждал другой жизни, другого режима с большим простором и с большей свободой действий, жаждал другой деятельности» [18; с. 159].

Выход был один – А. Плещеев воспользовался приглашением на должность «писца среднего оклада», а затем и столоначальника «временного стола по управлению Внутренней киргизской ордой» Оренбургской пограничной комиссии с подпиской «о непринадлежности к масонским и другим тайным обществам» [8; л. 4,7]. В службе помогали опыт и наблюдения за жизнью казахской степи периода ссыльных лет в Перовске, и надо полагать, что использовались они не в корыстных целях ради, а для справедливых решений по многочисленным просьбам и жалобам местного населения.

Последние годы ссылки А. Плещеева в Оренбурге характеризуются его идейным ростом под влиянием все более обостряющейся общественной борьбы, под воздействием демократических идей Н.Г. Чернышевского и его соратников. В свою очередь, он и сам в какой-то степени был центром притяжения радикальных представителей оренбургского общества. Этой цели отвечала, например, педагогическая деятельность поэта, когда он «на первых порах своей гражданской жизни в Оренбурге ...поддерживал свое существование уроками...» [18; с. 160].

Познакомившийся в эти годы с ним поэт М.Л. Михайлов так определил идейное влияние А. Плещеева на людей, с которыми тот общался: «Поэты с таким благородным и чистым направлением, как направление г. Плещеева, всегда будут полезными для общественного воспитания и найдут путь к молодым сердцам» [14; с. 240].

Являясь участником литературно-этнографической экспедиции, занимаясь исследованиями быта и жизни уральских казаков, башкир и казахов, М. Михайлов значительное время в 1856 г. провел в столице Оренбургского края. В это время он, сподвижник Н. Чернышевского, был близок к революционно-демократическому кругу «Современника» и полностью разделял его антикрепостническую и антисамодержавную позицию. Двух поэтов роднило общее направление их музыки, «обоих поэтов сближало сочувствие к обездоленным». Познакомившись с А. Плещеевым ближе, М. Михайлов признал в нем «силу призыва к честному служению обществу и ближним» [19; с. 211]. Михаил Ларионович содействовал налаживанию контактов оренбургского изгнанника с петербургскими литераторами и журналами.

В Оренбурге А. Плещеев активно интересуется новыми процессами, происходящими в литературе. В письме к М. Михайлову (28 декабря 1856 г.) им сообщается: «Ноябрьский № Библиотеки – отличный, превосходная там статья – Об отношениях критики Белинского – к нашему времени; – Дружинина. Решительно подписываюсь на Библиотеку» [14; с. 241]. Его внимание привлекают молодые оренбургские литературные силы, помогал им в своем развитии. Таковым был, например, автор «драматических сцен и очерков» С.Н. Федоров. А. Плещеев помог молодому писателю напечатать свои первые произведения в журнале «Современник». Об этом он писал Ф.М. Достоевскому (1858): «Здесь есть молодой человек, с которым я очень близок и который отправил в Современник драматические сцены, Некрасов его восхвалял и очерки напечатал...» [20; с. 441].

По всей видимости, сближение было обусловлено не только литературными интересами, но и общим идейным настроением, что и дало С. Федорову возможность печататься в органе революционной демократии. Впоследствии, после появления повести А. Плещеева «Пашинцев», за которую автора предали «анафиме в Оренбурге», [21; с. 145] Федоров выступил на страницах «Искры» с фельетоном «Курьезные случаи. Случай 1-й (посвящается литераторам, пишущим о провинции, – в назидание им)», в котором очень едко высмеял озлобленных плещеевской повестью оренбуржцев.

И вот она, долго ожидаемая и с мытарствами полученная свобода. Казалось бы, прочь из головы и души все, напоминавшее о тягостных годах солдатчины. Но нет, ссылка не отравила у А. Плещеева интереса к краю. Его связывает тесная дружба с оренбургским гражданским губернатором Е.И. Барановским и его женой. Оба были близки к революционно-демократическому лагерю и даже имели сношения с «лондонским изгнанником» – А.И. Герценом. Уже из Москвы поэт обращается к оренбургским друзьям с просьбой помочь распространению в крае газеты «Московский Вестник», совладельцем которой был, и в которой сотрудничали М. Салтыков-Щедрин, А. Островский, И. Тургенев, Н. Чернышевский, Л. Толстой.

Руководствуясь принципом, что «провинциальные известия вещь весьма важная» [22; с. 462], А. Плещеев предпринимает публикацию ряда заметок и статей об Оренбургском крае в «Московском Вестнике», в том числе обещает опубликовать пространную рецензию на книгу Черемшанского «Описание Оренбургской губернии».

Не оставляются без внимания и друзья-изгнанники – польские ссыльные, для них предпринимаются поиски и покупка польских книг [22; с. 460]. Заботится поэт и о том, имеет ли распространение в Оренбурге «Современник», и сам подписал Е. Барановского на журнал. «...Еще подписался я Вам на «Современник», – сообщает он. – Первый номер вышел великолепный, необыкновенно сильные статьи, возбуждающие здесь много толков. Салтыков написал для этого номера несколько статей, в которых излил все, что у него накопело на душе» [22; с. 459].

С заинтересованностью наблюдает А. Плещеев за материалами об Оренбургском крае, появляющимися в герценовском «Колоколе». Любопытно его письмо Е. Барановскому от 30 марта 1860 г.: «Достолюбезная Оренбургская публика обманулась в ожидании. В «Колоколе» описаны дела по заводам Пашкова и Сухозанета и дело Жадовского. Любопытно прочесть, в каком виде все это изложено». Здесь же даются и комментарии: В этих злоупотреблениях «всю администрацию надо винить и главное управляющих и советников, наживавших себе громадное состояние» [22; с. 464].

Следуя принципу обличения, А. Плещеев пишет «в минуты – глубочайшего омерзения к окружающему» замечательный памфлет на оренбургское общество – повесть «Пашинцев». Оренбург зачитывался ею, она, по словам местного старожила П. Столпянского, «переходит из рук в руки, ее читают с жадностью; поля плещеевской повести носят заметки и объяснительные подписи для непосвященных в тайны оренбургской жизни» [23; с.4]. После

выхода повести весь «аристократический» Оренбург открыл настоящий поход и травлю против автора.

Заключение.

А. Плещеев – весьма плодовитый писатель и поэт замечательный, в его творческом арсенале – стихи, поэмы, проза, переводы. И не будь суровой солдатчины, вырвавшей целый кусок из молодой жизни поэта, то, как сказать, не имели бы мы возможность погружать свое любопытство в еще более полнокровную атмосферу авторского творчества. Расправа царизма над петрашевцами явилась несоизмеримо гораздо более весомой, нежели этого заслуживал юношеский максимализм А. Плещеева и его товарищей. Однако попытка каторгой и солдатчиной растоптать достоинство людей и в их лице лишит Россию, как выразился Н. Добролюбов, «торжествующего прогресса», явно не вела к ожидаемому результату.

И жизненный пример ссыльного поэта, облаченного в «толстую солдатскую шинель», красноречивое тому свидетельство и подтверждение.

Список литературы

- 1 Пищулин В. Киргизия, как место ссылки царского правительства // «Советская Киргизия». – 1924. – №1–2.
- 2 Прянишников Н. Писатели-классики в Оренбургском крае. – Чкалов, 1946.
- 3 Центральный Государственный архив РФ (ЦГАРФ). Ф. 109, д. 26, ч. 7.
- 4 Центральный Государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф.(Плещеев), оп.1, д.36.
- 5 Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана в 30-50-е годы XIX в. – М., 1956.
- 6 Поэт Алексей Николаевич Плещеев в Оренбургском крае (воспоминания старожила) // Тургайская газета. – Оренбург, 1896.
- 7 «Колокол». Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Факсимильное издание АН СССР. Вып.1-XI. – М., 1962, вып. У1.
- 8 Центральный Государственный архив РК (ЦГАРК). Ф.4, оп.1, д. 2825.
- 9 Макшеев. А.И. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. – СПб., 1896.
- 10 Дандевиль М. А. Плещеев в форте Перовском // «Минувшие годы». – СПб., 1908. – № 10, октябрь.
- 11 Российский Государственный Военно-Исторический архив (РГВИА). Ф. 67, оп. 1, д. 129.
- 12 Центральный Государственный Исторический архив (ЦГИАСПб.). Ф. 1291, оп. 82, д. 9.
- 13 «Колокол». Газета А.И. Герцена и н.П. Огарева. Факсимильное издание АН СССР. Вып.1-XI. – М., 1962, вып. 1.
- 14 Литературный архив. Материалы по истории литературного и общественного движения. АН СССР. – М.-Л., 1961. – Вып. 6.
- 15 Биография А.Н. Плещеева. / spravka.coolreferat.com/vopros/4726.
- 16 Плещеев А.Н. Стихотворения. Вст. ст. и примеч. Л.С.Пустильник. – М., «Художественная литература», 1975.
- 17 Добролюбов Н.А. Собрание сочинений. – М., 1952. – Т.2.
- 18 Юдин М.Л. К биографии А.Н.Плещеева // «Исторический Вестник». – М., 1905. – №10.
- 19 Михайлов М.Л. Сочинения в 3-х томах. – М., Госиздательство художественной литературы, 1958. – Т.3.
- 20 Достоевский Ф.М. Материалы и исследования. АН СССР. – Л., 1935.
- 21 Письма Плещеева к Добролюбову // «Русская мысль». – 1913. – Кн.1.
22. Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. – М.-Л., 1940.
- 23 Столпянский П. Очерки по истории оренбургской старины. – Оренбург, 1902.